

18+

ЕЛЕНА АРОНСКАЯ
ЭЛЬ РАХМАТ
СВЕТЛАНА МЕЗЕНЦЕВА
ЭЛЛИНА НОРД
ЕЛЕНА КОНОНЕНКО

СБОРНИК РАССКАЗОВ

ИСТОРИИ ЖИЗНИ

**Эль Рахмат
Елена Кононенко
Светлана Мезенцева
Эллина Норд
Елена Аронская
Сборник рассказов.
Истории жизни**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69823579

ISBN 9785006067158

Аннотация

Зачем живёт человек и что ищет в этом мире? Борется ли он со смертельной болезнью или пытается разгадать прошлое своей семьи. Надеется найти любовь, несмотря на возраст, или делает выбор, будучи совсем юным. Для чего? Быть может ответ скрыт в фантастических мирах, которые совсем недавно были загадкой, а сейчас приоткроют завесу тайны? Ведь там, в иных вселенных, тоже есть жизнь. Об этом и пойдет речь в сборнике – о том, что видим ежедневно, о чём молчим и во что боимся поверить.

Содержание

От авторов	5
Светлана Мезенцева	8
Ангел-хранитель	8
1	8
2	12
3	15
4	16
5	19
6	21
7	29
8	33
9	35
10	38
11	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Сборник рассказов

Истории жизни

Авторы: Аронская Елена, Рахмат Эль, Мезенцева Светлана,
Норд Эллина, Кононенко Елена

Редактор Елена Аронская

Фотограф Светлана Мезенцева

© Елена Аронская, 2024

© Эль Рахмат, 2024

© Светлана Мезенцева, 2024

© Эллина Норд, 2024

© Елена Кононенко, 2024

© Светлана Мезенцева, фотографии, 2024

ISBN 978-5-0060-6715-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От авторов

Писательский клуб «Четыре рукописи» – творческое сообщество для писателей и начинающих авторов. Создан для тех, кому нужны единомышленники и поддержка; кто ищет вдохновение и мотивацию; кто открыт к новым знакомствам и общению.

Клуб помогает сосредоточиться на писательстве: черпать идеи, создавать собственные истории и, что самое главное, делиться своим творчеством.

«Четыре рукописи» дарят не только вдохновение, но и возможность найти читателей своего творчества. Здесь вы окажетесь среди людей, для которых писательство также важно, как и для вас. С нашим клубом вам больше не будет одиноко. Здесь вы всегда среди своих. Ищите клуб в социальной сети ВКонтакте – @4rukopisi.

В сборнике клуба вы найдёте произведения организаторов:

Елена Кононенко. Автор рассказов и стихотворений, в её коллекции семь коллективных сборников стихов и малой прозы. Принимала участие в таких проектах, как «Банка Вдохновения», «Всё будет хорошо» и «Киномай». Участвовала в первом Совещании молодых писателей Кузбасса «На 55-й широте» и является участником литературной сту-

дии.

Познакомиться с её творчеством вы можете на странице ВК @elenka_konon

Елена Афанасьева. Выпускница литературных курсов «Мастер текста» и школы писательского мастерства Band. Соавтор сборников рассказов и идейный вдохновитель марафонов для начинающих авторов.

Познакомиться с её творчеством можно на странице ВК @el_afanaseva

Эль Рахмат. Является призёром текстовых марафонов. Также автором трёх сборников: «Банка вдохновения», «Киномай» и «Все они жили в России». Ведёт рубрику про русский язык – «Велик и могуч» – в сообществе «Четыре рукописи».

Познакомиться с её работами можно на странице ВК @el_rahmat

Эллина Норд. Автор мини-рассказов. Выпускница курсов Максима Ильяхова, Екатерины Чубукиной, школы писательского мастерства Band. Является соавтором сборников рассказов «Банка вдохновения», «И все они жили в России».

Познакомиться с её творчеством можно на странице ВК @mambocina_txt

Светлана Мезенцева. Соавтор двух сборников «Банка вдохновения, зимнего сборника «Следы заснеженных тропинок», сборников «Киномай» и «Киноиюнь». Её фотография украсит обложку сборника «По традиции о России».

Познакомиться с её творчеством можно на странице ВК @mezenya32

Светлана Мезенцева

Ангел-хранитель

1

Онкология. Диагноз прозвучал как приговор. Ольга вышла на крыльцо онкодиспансера с мыслями: «Нет, всё это неправда. Доктор ошибся». Лёгкий ветерок запутался в густых волосах. «Скоро их не будет. Химия. Нет! Всё это происходит не со мной». Глаза предательски наполнились слезами. «Ведь мне всего двадцать восемь. Что там доктор говорил? Год? От силы полтора? Нет, это всё не про меня! А как же мои планы? И как я скажу родителям?»

Ольга осмотрелась вокруг. С неба падал первый снег. «Боже... а может это в последний раз? В последний раз я вижу, как идёт первый снег...»

Её внимание привлекла женщина. На ней было чёрное пальто-оверсайз до пят, а на голове красовалась причудливая ярко-жёлтая чалма. Она стояла, задрав голову к небу. Странная незнакомка раскинула руки, словно принимала солнечные ванны. Но солнца не было. Небо затянуло серыми тучами.

«Похоже, снег надолго. Онко. Ну вот уже и рифма сложилась. Надолго – онко», – смахнув слезу, Ольга направилась к парковке. – «Моя новенькая красавица. Недолго осталось мне на тебе ездить».

Проходя мимо странной женщины, Ольга замедлила шаг. С закрытыми глазами женщина блаженно улыбалась.

– Ты не бойся. Это не страшно! Волосы отрастут. Родители поймут и помогут.

Ольга уже прошла таинственную незнакомку и поэтому оглянулась. Та по-прежнему не двигалась, устремив лицо к небу.

– Это Вы мне? – Ольга решила, что ей послышалось.

– Тебе, тебе, Ольга Владиславовна Пичугина. Ох, и наму-чаюсь я с тобой. Чует моё сердце. Приставили меня к тебе. – Она открыла глаза и повернулась к Ольге.

– Как это приставили? Вообще, откуда Вы знаете как меня зовут, – Ольга уставилась на незнакомку, ничего не понимая.

– Ладно давай знакомиться. Амалия Петровна – твой ангел-хранитель. – Женщина протянула руку для пожатия.

– Кто? – Ольга начала сомневаться в диагнозе врачей: у неё – не онкология, у неё – шизофрения.

– Ладно, пойдем, а то на самом деле рехнёшься ещё на радостях. Ну, ты идёшь? – Амалия уже обошла Ольгу и направилась к парковке. – Слушай, а почему синенькая машина? Мне больше жёлтый цвет нравится.

Амалия бодро вышагивала по больничному скверу. Оша-

рашенная Ольга тащи́лась за ней, плохо понимая, что происходит. Она подошла к машине и отключила сигналку. Амалия уселась на пассажирское сиденье. Ольга приземлилась рядом и уставилась на руль.

– Э-э-э, мать, так дело не пойдёт! – ангел пощёлкала пальцами у своей подопечной перед носом. – Не хватало ещё, чтоб ты раньше времени себя угробила!

Ольга с ненавистью посмотрела на Амалию и истерично закричала:

– Да что Вы ко мне привязались? Какое Вам дело до меня? Может я жить не хочу!

В боковое окно постучали. Полицейский жестом попросил опустить стекло.

– Он меня не видит. Это я так, для общей информации, если что, – предупредила Амалия, мило улыбнувшись подопечной, и отвернулась.

«Нет, я на самом деле схожу с ума!» – с этой мыслью Ольга открыла окно.

– С вами всё в порядке? – заботливо спросил полицейский.

Ольга повернулась к Амалии. Та отчуждённо смотрела перед собой.

– Да, да. Всё хорошо.

– Точно?

– Да, да!

– Скажи ему о том, что у тебя нет онкологии, и ты этому

безгранично рада, – произнесла Амалия, не поворачивая головы.

– Зачем?

– Что, зачем? – Полицейский недоумённо смотрел на странную девушку.

– Я спрашиваю: зачем вот он запер меня? Ой, а он уже уехал! Я могу ехать?

Полицейский ещё больше удивился. Он точно помнил, что когда подходил, никого перед машиной странной девушки не было.

– Давай уже, поехали, поехали, пока он тебя в дурку не сдал! – Амалия Петровна замахала руками.

Ольга повернула ключ зажигания, выжала газ, машина резко дёрнулась.

– Ровнее, ровнее! Ты что, в первый раз за рулём?

– Да нет, у меня вообще-то семь лет водительского стажа, – задиристо ответила Ольга.

Они посмотрели друг на друга и засмеялись.

Такой была их первая встреча. Им предстояло пройти трудный путь вместе. А сейчас они ехали на синенькой машине и дружно подпевали Эльдару Джафарову:

«Я в моменте

И пролетел который день, я не заметил

На своих двух, и мне навстречу только ветер

Мне светит солнце, хоть и говорили все тут

Что мне ничё не светит».

К следующему утру Амалия и Ольга уже стали лучшими подругами и пили чай на кухне.

– Я так понимаю, ты не очень-то хочешь, чтобы кто-то узнал о твоей болезни? – Амалия размакивала калачик в чае, а потом с наслаждением отправляла его в рот.

– Не хочу, чтобы охали и ахали все вокруг, и видели меня...

– Лысой, – закончила за неё ангел. – Ты знаешь, быть лысой не так уж и плохо. #

Амалия сняла свою солнечную чалму, и Ольга чуть не поперхнулась. Под ней оказалась совершенно лысая голова. Амалия натянула чалму обратно и мило улыбнулась.

– Если ты не готова потерять свою роскошную шевелюру из-за химии, то ты должна сделать это по собственной инициативе.

Она взяла телефон Ольги и быстро написала что-то в поисковике.

– Вот, любуйся. Стрижка пикси – стильно, модно, молодёжно!

С экрана телефона на неё смотрели девушки с короткими, почти мальчиковскими стрижками.

Амалия явно была довольна собой и вошла в раж:

– Я бы ещё и перекрасилась! Уж если меняться, то карди-

нально!

Ольга рассматривала фото и размышляла: «А что? Очень даже может быть».

– Вот эта! – выбрала стрижку Ольга.

Амалия взглянула в телефон, одобряюще улыбнулась и скомандовала:

– Давай, ищи мастера!

– Прямо сейчас? – Ольга не была готова к переменам, тем более к таким кардинальным.

– А чего тянуть! У тебя сегодня выходной? Выходной! Давай, давай! Вперёд, и с песней!

Амалия принялась убирать со стола, допивая свой чай на ходу.

– Давай! – снова повторила она настойчиво. Ольга была вынуждена подчиниться.

В салоне красоты случился казус: Амалия ткнула в ярко-фиолетовый цвет на палитре – карте красок.

– Нет! Ты с ума сошла? – воскликнула Ольга.

– Одну прядочку! – — Амалия сложила руки в умоляющем жесте. – Классно же!

– Нет!

Ольга подняла глаза и встретилась с удивленным взглядом девушки-мастера. Ведь никто, кроме неё, не видел ангела-хранителя.

– Простите! – Ольга залилась краской.

Амалия же наклонилась к Ольге и прошептала:

– Одну только прядочку, пожалуйста!

Рассматривая отражение в зеркале, Ольга призналась, что ей очень даже нравится и эта короткая стрижка, и прядка ярко-фиолетового цвета. Она посмотрела на Амалию. Та восхищённо подняла большой палец. Потом были спа, макияж, маникюр, массаж, магазин одежды. Амалия чуть было не затащила Ольгу в тату-салон. Но подумав, она решила, что на первый раз достаточно.

Вечером, уставшая Ольга после ужина прилегла на диван, а притихшая Амалия смотрела в окно. За окном город переливался огнями гирлянд. Скоро новый год.

– Амалия, а ты знаешь, сколько мне осталось?

Амалия, не отрывая взгляда от вида за окном, ответила:

– Всё зависит от тебя. Захочешь жить – будешь жить. Я знаю одно: раз меня к тебе приставили, значит не всё так уж и плохо. Понимаешь, я ведь тоже очень хотела жить, я тоже боролась. Но вот... – голос Амалии предательски задрожал.

Она повернулась. Ольга, по-детски подложив руки под щеку, спала и улыбалась во сне. Ярко-фиолетовая прядь упала на лицо. Амалия ласково улыбнулась, подошла и укрыла пледом свою подопечную, подоткнув край. Смахнула со своей щеки слезу.

– Спи, тебе нужны силы. Ты должна бороться. Ты должна жить за себя и за меня.

Амалия снова отошла к окну. Город сверкал множеством огней. Таких же огней, как у той машины, которая сбила её.

Огни машины – это последнее, что она запомнила из той земной жизни. А ведь она так хотела жить, и уже почти победила этот проклятый рак, будь он неладен. Амалия подошла к двери, посмотрела на спящую Ольгу, прошептала: «Спи, девочка, спи! Набирайся сил. Ты будешь жить, ты должна жить...». И тихо вышла из комнаты.

3

Утром Ольга проснулась с мыслью, что ей как-то надо сообщить родителям. Она рано уехала из родного дома и стала жить самостоятельно. Доверительных отношений с родителями особо никогда не было. «А стоит ли?» – подумывала Ольга на самом деле. Амалия села рядом, выслушала все «за» и «против» и уставилась на неё немигающим взглядом. Ольге от этого стало не по себе.

– Что ты на меня так смотришь? – раздражённо пробурчала она.

Амалия молчала.

– Узнают они, – Ольга не унималась, – кому от этого будет легче?

Амалия вздохнула.

– Девочка моя, это же самые родные для тебя люди. Ты пойми, если они не говорили тебе поминутно о своей любви – это не значит, что они тебя не любят. Или ты боишься, что тебя начнут жалеть? Ты ведь этого боишься? Возомни-

ла себя сильной! Тебе сейчас как никогда нужна поддержка! Именно поддержка, а не жалость. Родители не будут тебя жалеть, они будут за тебя и вместе с тобой бороться. Подумай об этом!

Амалия встала и вышла, оставив Ольгу одну. Она вернулась через час, её подопечная уже собирала вещи.

– Ты поедешь со мной? – голос Ольги дрожал.

– Не бойся, ничего не бойся! – Амалия положила ей руки на плечи. Дрожь моментально прошла.

– Я отправила заявление об отпуске за свой счёт. Я правильно сделала?

– Если ты этого хочешь...

– Ты же знаешь, что я не могу, я не вынесу эти жалостливые взгляды, эти перешептывания за спиной. Кажется, всё, – Ольга застегнула дорожную сумку-саквояж, – присядем?

Сели. Амалия молчала. А Ольге отчего-то захотелось, чтобы она сейчас сказала, что всё будет хорошо, что волноваться не о чём. Но Амалия продолжала молчать. Ольга положила ей голову на плечо. Ангел обняла её и, как маленькую девочку, начала раскачивать. «Как мама в детстве... Мама».

4

Ехали молча. Ольга сосредоточилась на дороге. Амалия смотрела на пробегающие мимо голые деревья. Низкое небо

низвергалось на землю ледяным колючим дождем. Поздняя осень не радовала снегом. Всё было серым. Впрочем, как и мысли Амалии.

Когда она узнала о своей болезни, её родителей уже унесла онкология. Мама ушла за месяц. Отец остался один. Год дикой тоски. Амалия так и не смогла его вывести из этого состояния. И когда ему поставили диагноз «рак», он сказал: «Слава богу! Наконец-то закончатся мои мучения». Если бы он знал, что это только начало. В отличие от мамы, он уходил долго и мучительно.

Недаром говорят, что онкология передаётся по генетической линии. Амалия не испугалась. Нет! Она решила бороться. Решила жить во чтобы ни стало. Бороться ради своих двух мальчиков. Ради мужа, который испугался настолько, что Амалии пришлось успокаивать его, а ведь ей так нужны были крепкая рука и плечо. Курсы химии проходили один за другим. Круги ада, казалось, никогда не закончатся. Но она смогла, она справилась. Полтора года научили её многому. Они научили её вере.

В тот день она с замиранием сердца открывала дверь лечащего врача. И вот он действительно настал – тот самый день. «Я чистая. Чистая!» – носилось в голове. Амалия не стала звонить мужу, чтобы он забрал её домой, а решила сделать сюрприз. Выйдя из онкодиспансера, она поймала такси.

«Мальчики! Как же я соскучилась по вам. Больше не будет наших слёз при расставании. Я чистая! Муж ещё на ра-

боте, мои мальчики в школе. Я приготовлю ужин. Настоящий ужин».

Она дома, а из спальни доносился женский смех. Потом стон, ещё стон, ещё... что же это такое! Амалия, конечно же, всё поняла. Она вышла из квартиры, осторожно прикрыв за собой дверь. Пустота. Полная безоговорочная пустота. Нет никаких чувств. Совершенно никаких. Лишь пустота... Она бредёт по улице. Куда? Зачем? Именно сегодня, почему именно сегодня? Фонари, автомобильные стоп фонари. Последней мыслью было: «Я чистая!»

#Ольга несколько раз хотела заговорить с Амалией, но что-то её останавливало. Она думала о встрече с родителями. Как она им сообщит о своём несчастье? Ей казалось, что родителям всё равно до её жизни. Вот уже и знакомый поворот на грунтовку. Ольга затормозила на обочине. Отстегнула ремень безопасности, включила аварийку и вышла. Погода поменялась. На небе заиграло солнышко. Оно отражалось в миллионе капелек дождя на придорожных кустах. Амалия стояла рядом. Она, как и в первый день, когда они встретились, широко раскинула руки. Подставила лицо солнцу. Ольга смотрела на неё. Что-то в Амалии изменилось. Усталость? Нет, не усталость. Какая-то светлая грусть. Ольга зажмурилась, распрямила руки, словно птица крылья. Рот сам собой расплылся в улыбке. Так она и стояла одиноко на дороге, широко раскинув руки, и улыбалась уже холодному осеннему солнцу.

Дом. Родной дом. Окна на втором этаже. Всё те же тюлевые занавески. Всё те же герани на окнах. В детстве она терпеть не могла их запах. Ей казалось, что всё в доме пропиталось этим стойким ароматом. А сейчас ей хотелось вдохнуть этот запах полной грудью и купаться в нём.

Мама. Мамочка. Вспомнился Новый год в детском саду. Ольга почти месяц болела, и поэтому никакая роль на утреннике ей не досталась. Мама поговорила с воспитательницей. Та лишь пожала плечами:

– Весь сценарий разобрали, стихи раздали и выучили.

– Хорошо, стихи разобраны, но танец? Танец-то Оленька может станцевать?

– Танец? Так его же разучивать надо. До представления неделя.

– Мы разучим. Вы только скажите под какую музыку.

Каждый вечер мама разучивала с Оленькой танец конфетки. Потом полночи проверяла тетрадки учеников. Ведь мама была учителем русского языка. За два дня до новогоднего представления маленькая Оленька спросила:

– Мама, у меня будет костюм? Какой?

– Костюм? – мама за разучиванием танца совсем забыла про него. Она, ни секунды не думая, ответила, – самый лучший костюм у тебя будет!

Ночью мама не проверяла тетрадки. Она шила костюм. На утро на плечиках висело розовое платье. Изрезав штору из розовой вуали, мама соорудила пышную юбку. Обшила её самодельными конфетами из фантиков, которые маленькая Оленька бережно разглаживала и хранила в коробочке из-под чая. На голову из картона мама из картона соорудила шапочку в виде половинки конфеты. Покрасила её в розовый цвет и обклеила красной мишурой. Оленька тогда выделялась из всей белой стаи снежинок. Танец конфетки произвёл фурор. И она отчётливо помнила слёзы в маминых глазах.

Ольга сидела в машине перед домом. Она уткнулась лбом в руль. Амалия не мешала её воспоминаниям.

#Отец. Он никогда не проявлял своей любви. Но Ольга отчётливо помнила, как папа прижимал её к себе и говорил врачам всего лишь одно: «Не дам». Ольге было тогда лет пять, и она в детском саду умудрилась подхватить ротавирусную инфекцию. Обезвоживание. Врачи твердили, что нужны срочные капельницы, а он повторял: «Не дам!» По его щекам текли слёзы. Только всего два раза она видела отца плачущим. Второй раз это было на выпускном. Ольга получила золотую медаль, а он смахивал слёзы гордости.

«Боже, что же будет сейчас?» – Ольга выдохнула, оторвала лоб от руля и решительно вышла из машины. Окна и герань. В этот миг ей стало страшно. Страшно не за себя, а за них. «Что будет с родителями, когда меня не станет».

– Ты будешь жить! Ты должна жить не ради себя. Ради

них! – прошептала ангел-хранитель и Ольга оглянулась. – Иди девочка, иди! Ради них.

Ольга словно очнулась. Она должна жить.

Шаг.

Ещё шаг.

И вот она уже не идёт, а бежит. Два лестничных пролёта, и она у дверей. Ольга замерла. Рука медленно потянулась к звонку, но дверь внезапно распахнулась, а на пороге стояла мама и кричала:

– Отец, я до магазина за хлебушком.

Мама повернула голову. Из её рук выпала холщовая сумка. Об пол глухо ударился кошелёк и звук эхом пронёсся в голове Ольги.

– Мамочка! – она снова, как в детстве, уткнулась в родную ложбинку у шеи. – Мамочка!

Руки мамы ласково гладили стриженную голову Ольги.

– Девочка моя... Доченька... Приехала...

6

– Отец! Отец, наша Оленька приехала.

– Да неужто сподобилась. А я уже думал, она и дорогу-то позабыла, – отец вышел из комнаты.

– Ну чего ты? Радость-то какая! Ты чего не позвонила, Оленька, я б вареников с вишней твоих любимых налепила. Мы с отцом знаешь, сколько вишни наморозили. Отец, пой-

ди в магазин, а то у нас ни куска хлеба нет. Давай, давай! Оленька наша приехала.

– Пап, здравствуй! – они встретились взглядом. «Он догадался!» – пронеслось в голове у Ольги.

– Ну здравствуй, дочь! – отец раскрыл объятия, и Ольга бросилась в них. Он прижался щекой к её голове. Она почувствовала в объятиях отца спасательный круг.

– Теперь ты поняла? – это была Амалия.

Всё это время она наблюдала.

– Теперь ты поняла? – повторила свой вопрос ангел. Ольга уткнулась в грудь отца.

– Ну-ну, дочка, всё будет хорошо! «Он всё понял» – стучало у неё в голове.

Мать подняла с пола сумку и протянула её мужу:

– Давай собирайся, а я пока картошки пожарю. У нас ведь только борщ вчерашний. И сметаны купи, доели ж вчера. Да и в гараж зайди за настоечкой своей. Ох, и знатная настойка у отца нынче получилась. Радость-то какая! Наша доченька приехала.

Ольга сидела на маленькой кухне. Мать чистила картошку у мойки и безудержно болтала. Рассказывала про Светку – дочку тёти Зины, про оболтуса соседа Ваську, про сантехника дядю Гришу. Ольга, как в детстве, поджала одну ногу под себя, а другую поставила на табуретку.

– Ой, доченька, ноги замерзли? Что ж это я? Я сейчас.

Вытерла руки руки о фартук и умчалась в спальню.

– Мне кажется, папка догадался. Ты как думаешь? – Ольга решила воспользоваться моментом, пока мама вышла. Амалия стояла у окна и наблюдала, как с ветки на ветку клёна перелетали воробьи.

– Он понял, что что-то случилось и всего лишь. Иначе ты бы не приехала... – Амалия не договорила.

– Оленька, ну-ка примерь. Смотри, сколько я тебе навязала, – мама протянула ей аккуратно сложенные вязаные разноцветные носки, – кочегары опять загуляли. Не топят ни черта. Пол ледяной. Какие?

Глаза Ольги наполнились слезами.

– Ма-а-ам! – только и смогла сказать она, – спасибо.

Ольга подошла к маме. «Синие, розовые, белые, жёлтые, красные, зелёные. Куда столько?» – Ольга перебирала с любовью связанные носки.

– Так какие? – голос матери предательски задрожал. Ольга нежно обняла её и чмокнула в щёку.

– Спасибо. Давай жёлтые!

Хлопнула входная дверь.

– Ой, отец уже вернулся, а я ещё даже картошки не наредила, – спохватилась мама. Она сунула Ольге всю стопку носков, встала снова к мойке и продолжила чистить картошку.

– Ну, мать, ты даёшь, – шутя, возмутился отец, – дочь в кои-то веки приехала, голодная сидит, а у неё до сих пор стол не накрыт!

– Да ладно тебе, Слав, – отмахнулась мать, – я сейчас. Я быстро.

Отец поставил на стол полную холщовую сумку.

– Давай-ка, Оля, доставай салатницы. Я твоё любимое лечо принёс и рыжечков к картошечке. Будет, мать, картошечка-то у нас?

– А как же! – весело ответила хозяйка.

Ольга натянула жёлтые носки. Вместе с отцом они разобрали сумку и накрыли на стол. Не смогла удержаться и, как в детстве, залезла в банку с любимым лечо пальцем. И, также, как в детстве, получила по руке от отца.

– А вот и она родная, – достал полторашку настойки, – ты только глянь, доча, какой цвет!

Он поднял бутылку на свет. Солнце заиграло в прозрачной бордовой жидкости.

– Ой, папка, совсем забыла. Я ж тебе подарок привезла.

Ольга бросилась к своей сумке в прихожую. Вернулась через минуту с бутылкой коньяка в руках.

– Вот. Настоящий. Французский.

– Ох, и гульнем сегодня. А, мать?

– Ага, – оторвалась та от плиты, где на сковородке уже аппетитно скворчала картошка, – а завтра снова скорую?

– Дак, ведь праздник у нас сегодня, – отец весело подмигнул Ольге, – дочь приехала. Где там у нас рюмки?

Наконец-то уселись за стол. Борщ со сметаной. Картошка на сковородке. Рыжики с лучком и постным маслом. Лечо.

– Ну что, девочки, давайте за встречу что ли? – отец поднял хрустальную рюмочку.

Мать чуть пригубила. Ольга махнула целую и поперхнулась. Внутри загорелся пожар, и в глазах выступили слёзы.

Отец захохотал:

– Извини, доча, не успел предупредить. Настоечка на самогоне семидесятиградусном сделана. Ты закуси, закуси!

Он пододвинул лечо дочке. Она жадно зачерпнула ложкой и с удовольствием отправила в рот любимую с детства заготовку. У Ольги от выпитой настойки прорезался зверский аппетит, и она с удовольствием ела борщ.

– Ну, а теперь, доча, может расскажешь, что у тебя стряслось?

Ложка Ольги на миг замерла, но тут же продолжила свой путь в тарелку. Ольга, не поднимая глаз, произнесла:

– У меня рак...

– Ой, божечки! Да как же это?

Мама всхлипнула и закрыла лицо руками.

На кухне воцарилась гнетущая тишина. Лишь ложка Ольги стучала о дно уже опустевшей тарелки.

– Так! – тишину нарушил отец. Ольга не поднимала глаз.

– И что врачи говорят?

– Химия, – голос предательски задрожал.

– Ой, божечки, – всхлипнула мать.

– Да погодь ты, мать, Бога-то вспоминать.

Отец налил уже не в рюмку, а в стакан.

– Слава, ну сердце же, – умоляюще произнесла мама, а он махнул рукой.

– Какое уж тут сердце.

Выпил. Тяжело поднялся из-за стола.

– Пойду пройдуся.

– Пап! – Ольга подняла глаза полные слёз, но он уже не видел. Махнул рукой. Ушёл.

«Да уж. Задача», – Амалия направилась следом за ним.

Он шёл и утирал слёзы: «Как же так? Его доченька? Его маленькая Олюшка? За что?».

– А ни за что! – он оглянулся. Амалия стояла и смотрела прямо ему в глаза. – Ни за что. А зачем? Нужно понять – зачем вам всё это? Всё, что сейчас происходит.

– Вы кто?

– Я Амалия! – она протянула руку.

– Владислав! – он пожал протянутую руку.

– Владислав, Вы, кажется, направлялись в гараж? Идёмте! – она взяла его под руку. – Нам есть, о чём поговорить. Идёмте.

Он подчинился странной женщине.

– Понимаешь, я ведь и детей-то больше не хотел. Боялся, что не смогу полюбить кого-то ещё, кроме Олюшки.

Амалия и Владислав сидели за наждачным столом. Пыльные стаканы сполоснули настойкой. Трёхлитровая банка с огурцами. Мужчина плакал, не стесняясь.

– Она ж для меня, как свет в окне, как... – он не догово-

рил, всхлипнул, махнул рукой и потянулся к стакану.

Амалия отодвинула от него стакан.

– Ты ей нужен сильным и трезвым. А что ты на меня так смотришь? Она к тебе приехала за поддержкой, а ты? Сбежал. Испугался. Ты сильный мужик, испугался. А каково ей? Ты подумал? Она же ребёнок совсем, и она должна жить. И ты ей в этом поможешь! – последнее предложение она произнесла, выделяя каждое слово.

Он упёрся локтями в колени и зажал голову руками.

Амалия взяла стакан.

– На, пей и пошли!

Он поднял голову. Их взгляды встретились.

– Пошли.

– Вот и ладно. Вот и хорошо. – Амалия облегченно вздохнула.

– Олюшка, как же это?

– Мам, всё будет хорошо.

Она никогда не умела врать матери. Но сейчас в её голосе было столько уверенности. Ольга смахнула слёзы с лица и повторила:

– Всё будет хорошо, – повторила она, убеждая не только мать, но и саму себя.

Они сидели в комнате, обнявшись. Мать всё никак не могла прийти в себя, а Ольга её успокаивала.

– Девчонки, вы где? А знаете, что я придумал? А поехали завтра на рыбалку? С ночёвкой? А?

Владислав оглянулся. Он искал поддержки у Амалии, но её не было.

– Папка! – Ольга бросилась на шею к отцу.

– Ничего, ничего, девочка. Мы ещё повоюем, – он гладил дочку по голове, по спине, – мы так просто не сдадимся! Мать, а ты чего сидишь? Где там твоя картошка. Мы ведь так и не доели. Олюшка, пошли есть?

– Пап! – она поцеловала его в щёку, – я тебя люблю.

– Я тебя тоже.

Неделя пролетела быстро. Амалия изредка появлялась, не хотела мешать. Ольга купалась в любви родителей. Про болезнь не вспоминали. Только мамины красные глаза выдавали её бессонные ночи. Но все молчали, как будто кто-то наложил запрет.

В последнюю ночь никто не спал. Мать вздыхала, отвернувшись от мужа, тайком вытирала слезы. Он не мог больше выносить её тайные всхлипывания в подушку.

– Спишь?

Она промолчала в ответ, а он вздохнул. Встал и ушёл на кухню.

Ольга тоже не спала. Амалия молча сидела в кресле. Кто-то прошаркал тапочками на кухню.

– Отец? – спросила Ольга Амалию.

– Он, – одними губами произнесла та в ответ.

Ольга вздохнула, завернулась в плед и тоже направилась на кухню.

– Пап, ты чего тут в темноте? – её рука потянулась к выключателю.

– Не включай, не надо.

Он стоял у окна. Свет от уличного фонаря освещал его. Голова серебрилась в этом свете сединой. «Раньше я и не замечала этого серебра», – подумала Ольга.

Она подошла к нему и тут же попала в его ласковые и тёплые объятия.

– Олюшка, я тебе никогда не говорил. Я ведь так виноват перед тобой. Боялся любовь свою показать, боялся избаловать тебя, боялся, дурак. А вот видать зря. Люблю я тебя очень, доча. Сейчас вот жалею, что не баловал тебя. Что не говорил о своей любви.

Он поцеловал её в макушку. Она слушала, как бьётся его сердце, прижавшись к груди отца.

– Папка, и ты прости меня. Я ведь тоже никогда не говорила, как люблю тебя.

Амалия заглянула на кухню, но тут же удалилась: «Всё правильно, всё правильно».

7

Утром у машины прощались.

– Оленька, я тебе там пирожков положила в дорогу. В термосе чай твой любимый с корками апельсиновыми.

– Мамочка, ну, какое в дорогу? Тут езды-то всего ничего.

– Оленька, носочки взяла? Вдруг в больнице холодно будет. Ты звони, ладно? Что да как. Может я всё-таки с тобой поеду?

Она изо всех сил держалась, чтобы не расплакаться.

– Отец, где ты там?

Он стоял чуть поодаль, спиной к ним.

– Вы нужны ей сильными! Жалостью Вы только ... – Амалия давала последние наставления.

– Амалия, помоги ей, прошу тебя!

– Нет, вот что за люди такие? – всплеснула она руками, – ты пойми, Слав... Это зависит теперь только от неё... Я проводник, я всего лишь опекун. Но если она не захочет. И вы должны должны ей помочь в этом.

– Отец, ну где ты там?

– Пора. И помните – сила и поддержка. Ничего, ничего, Славик, мы ещё повоюем за вашу девочку. И Вы мне в этом поможете, – Амалия протянула руку.

Он пожал руку.

– Повуюем, – дрогнувшим голосом, словно эхом, отозвался он.

Они направились к машине. #

– Ну что, доченька, в добрый путь.

Он бодро улыбнулся. Но внутри всё дрожало. Он пытался отогнать мысль о том, что может быть он видит свою любимую девочку в живых в последний раз.

– Сильным. Ты нужен ей сильным! – прошептала Амалия,

проходя мимо его.

Он глубоко вздохнул. Поставил сумку в открытый багажник и захлопнул его.

– Ну пора что ли? Иди ко мне. – Он открыл объятия.

Ольга бросилась на грудь отцу.

– Ну-ну! Чего ты? Ты ж у меня сильная!

– Папка... Мне страшно, – прошептала она, чтобы не услышала мама.

– Всё будет хорошо, – он поцеловал её в макушку, – всё будет хорошо.

Мать всё ж таки не выдержала – расплакалась.

– Доченька, а может я всё-таки поеду с тобой? – спросила с надеждой в голосе она.

– Мам, а папку ты на кого оставишь? Кто ему щи да борщи варить будет? Кто вареники лепить будет?

– Ой, божечки, я ж тебе вареников в контейнер наложила. Она бросилась было к дому.

– Мать, – укоризненно сказал отец. Она остановилась в растерянности.

– Ой, божечки! – только и смогла произнести она. Слезы хлынули из глаз.

– Ну мам! – Ольга было бросилась к матери, но отец остановил её.

– Езжай, доченька, езжай. Мы тут сами.

Он прижал к себе жену.

Амалия обняла Ольгу сзади за плечи.

– Поехали, Оль, поехали, – спокойно сказала она. Это спокойствие в её голосе отрезвило Ольгу. Она быстро села в машину. Амалия рядом.

– Да не могу я так! – вскрикнула Ольга. Амалия не успела её задержать. Она выскочила из машины и бросилась к матери.

И вот она уже стояла и обнимала мать. Целовала солёные от слёз щёки:

– Mamochka, mamochka! Я буду бороться за себя, за вас! Ты, главное, верь! Слышишь? Верь! Всё будет хорошо! Слышишь? – она взяла лицо матери в руки, – слышишь?

– Да, да, Олюшка, – одними губами соглашалась мать, – езжай, езжай, доченька! Прости меня, доченька.

– Всё будет хорошо, – уже спокойно сказала Ольга. Отпустила руки. Развернулась и направилась к машине. Молча завела мотор. Помахала рукой родителям, стоящим в обнимку.

Мать перекрестила отъезжающую машину.

– Всё будет хорошо, – всхлипнула она и уткнулась мужу в грудь. Он ласково гладил её по спине.

– Всё будет хорошо, – прошептал. В уголках глаз застыли дорогие мужские слёзы. #

Ехали молча. Амалия искоса поглядывала на свою подопечную. По её щекам медленно текли слёзы. Ольга со злостью вытирала их тыльной стороной ладони. Вдруг она резко затормозила, хлопнула дверью и уселась на обочине дороги.

Амалия ждала. Она понимала – сейчас её трогать нельзя. Надо, надо ей побыть сейчас одной. #

Ольга сидела, уткнувшись носом в коленки. Мыслей не было никаких. Была только злость. Злость на этот чертов рак. Будь он проклят.

«Что ж это я? Ведь я же сильная. Они же верят в меня, верят, что я смогу. А я смогу. Иначе... Я не знаю, что с ними будет. Ведь они так меня любят... Я должна...»

Очнулась она от голоса Амалии:

– Оль.

Амалия стояла с перекинутым через плечо пледом, который нашла на заднем сидении авто. В одной руке она держала термос, в другой – контейнер с мамиными пирожками.

– Оль, давай поедим? Держи.

Она протянула термос. Ольга взяла и его, и пирожки. Амалия укрыла её пледом. Уселась рядом.

– Эх, и знатный чаёк у твоей мамы.

– Угу, – с набитым пирожками ртом ответила Ольга.

«Вот и славно, вот и хорошо. Ольга успокоилась, поела, можно и ехать дальше». Ехать туда, где Ольгу ждали боль, страх и надежда.

8

Ольга считала капельки. Её мутило. Она уже видеть не могла эту красную жидкость. Шёл четвёртый курс химии.

Она продолжала считать капельки. Как тогда, когда пятилетнюю её запеленали, как маленькую, оставив одну руку. Потом мама прорвалась в процедурку и увидела её. Тихим, но твёрдым голосом произнесла:

– Развяжите!

– Нельзя.

– Развяжите! Она не будет мешать.

И они начали считать. Мама сказала тогда:

– Раз капелька – нет одного вируса.

Маленькая Оленька свято тогда в это поверила. И сейчас ей хотелось, чтобы слова мамы стали сейчас правдой. «Раз капелька – нет раковой клетки. Господи, сколько же во мне тогда их! Капают, капают. А рак-дурак всё во мне».

Амалия подставила утку. Она всегда чувствовала, когда это надо сделать. Ольгу вырвало.

– Это рак из меня выходит, – грустно пошутила она. Без сил Оля откинулась на подушку. Ей стало смешно. Маленькая девочка Оля смеялась сквозь слёзы. «Нет! Никогда, никогда он не покинет меня! И никакие капельки не помогут, и я умру. И зачем всё это?» Медленно, но верно подступала паника.

– Здравствуйте. Как Вы тут, Пичугина Ольга Владиславовна?

Молодой врач листал ольгину карточку. «Тебя мне только не хватало сейчас. И чего таскается по пять раз на дню? Как его там? Кирилл Александрович?» – она закрыла глаза. Па-

ника отступала, но её место заняла злость на весь белый свет.

– Ольга Владиславовна, Вы меня слышите?

– А то Вы не видите! – зло, сквозь зубы, произнесла она.

– Ольга Владиславовна, это последняя, – он засмутился, закашлялся, но всё-таки решился и спросил, – может быть мы с Вами... сходим куда-нибудь?

Кирилл Александрович покраснел под маской. Ольга открыла глаза и уставилась на доктора. «Чего? Что он сказал?»

– Вот и жених у нас нарисовался, – прошептала на ушко Амалия, – соглашайся! А почему бы и нет? Парень умный. Доктор. И собой хорош.

Ольгу снова начало мутить. Кирилл Александрович подставил утку.

– Уходите! Слышите, уходите! – взмолилась Ольга.

Но он не ушёл.

9

Ночью на Ольгу снова напал страх. Он прочно сжал своими острыми коготками душу.

– Пап, мне снова страшно, – кричала она в трубку телефона.

– Сейчас, доченька, сейчас, – шёпотом ответил он. Вылез из постели. Прошлёпал босыми ногами на кухню. Мать зарылась в подушку с головой и тихо всхлипывала.

– Что случилось, доченька?

– Мне опять страшно, пап.

– Почитаем?

У них вошло в привычку. Когда на Олю нападал страх, в любое время дня и ночи отец читал ей, сидя на кухне. Это были детские книжки про смелых и сильных духом людей. Ольга успокаивалась и засыпала под голос отца. Тогда Амалия вынимала из рук Ольги телефон и отключала его. А отец капал себе валидол и беззвучно плакал, бессильно положив на руки голову.

– Нет, пап, сегодня не будем. Как вы там?

– Мы хорошо, доченька, – он потёр грудь слева. Осторожно, чтобы она не слышала, накапал валидола, который теперь никогда не убирали со стола.

– Мама?

– Мама тоже хорошо, – он выпил валидол.

«Сейчас, сейчас отпустит», – подумал он, а вслух спросил:

– Дочь, у тебя голос сегодня какой-то не такой. Что случилось?

– Ничего, пап, ничего. Врач был, сказал, что, если всё хорошо будет, отпустят.

– Так это же хорошо.

– Мне страшно. А если не будет.

– Доченька, ты верь, главное верь.

– Пап, ты дышишь тяжело. Пап...

– Нет, нет, доченька всё хорошо. Не переживай. Ты только верь и приезжай, как только сможешь. Мы соскучились

очень.

Сердце стало биться ровнее, валидол помог. А в спальне мать достала маленькую иконку Николая Чудотворца, поставила на прикроватную тумбочку, зажгла свечку. Встала на колени. Зашептала молитву. Просила только одного – жизни своей девочке.

Кирилл Александрович провожал Ольгу. Она вышла на крыльцо и зажмурилась от яркого солнца. Остановилась. Улыбка расплылась по похудевшему лицу.

– А, знаете, Кирилл Александрович, может не пойдём в кино, а поедем к моим родителям?

Она повернулась к нему.

– Я не знаю. Удобно ли?

– Неудобно знаете что? Сможете на три дня?

Он согласно закивал.

– Завтра?

Она сбежала с крыльца. Обернулась.

– Тогда я позвоню.

– Ну ты даёшь, мать! – только и смогла сказать Амалия.

– Чего тянуть-то, сама же говоришь – парень хороший.

«У меня есть неделя и завтра я поеду домой! И я хочу быть счастливой, хотя бы эту неделю».

– Мам, пап, знакомьтесь – это Кирилл, – Ольга замялась и после паузы добавила, – Александрович.

– Ну здорово, что ли. Можно просто Кирилл?

– Конечно, можно, – смущённый молодой человек протянул руку для рукопожатия.

– Тогда я – Владислав Николаевич, а это супружница моя – Марина Сергеевна.

– Ой, а это Вам, – Кирилл протянул букет цветов.

– Спасибо.

– Пап, я Кириллу Александровичу рыбалку обещала.

– Ну раз обещала...

– Ой, а что это мы в дверях стоим. Проходите, проходите, – захлопотала Марина Сергеевна.

– Мам, как вкусно пахнет. Я такая голодная.

Во всеобщей суматохе, отец задержался в коридоре. Он увидел Амалию, подпирающую косяк входной двери.

– Здравствуй, Амалия! – поприветствовал он её, когда честная компания удалилась на кухню, – я был очень, конечно же, удивлён, когда дочь вчера сказала, что приедет не одна.

– А я-то как была удивлена, когда она пригласила Кирилла к вам в ответ на его приглашение в кино. Не волнуйся, Николаевич, он же её лечащий врач.

– Врач? Так он знает?

– Да, знает, и, уверена, даже больше нас о её болезни.

– Отец, где ты там? Стол накрыт.

За обедом все веселились. Кирилл оказался хорошим рассказчиком, без конца доводил Ольгу до слёз от смеха своими историями из медицинской студенческой жизни. Отец изредка поглядывал на Амалию, которая стояла у окна. Та удовлетворённо качала головой и улыбалась в ответ.

– Всё, больше не могу. Ни есть, ни смеяться, – взмолилась Ольга после очередной истории Кирилла. Ей давно не было так хорошо. Сейчас она была по-настоящему счастлива, как не была, наверное, счастлива даже до болезни. Улыбка мамы, одобрительное хмыканье папы. И Кирилл. Она подперла подбородок рукой и слушала рассуждения мужчин о мармышках, прикормках и ещё о каких-то рыбацких хитростях.

– Хватит уже, отец, извёл гостя своими разговорами о рыбалке, – вмешалась Марина Сергеевна.

– А ты, мать, не лезь, дай мужикам душу отвести.

– Пап, а может махнем на речку с ночёвкой?

– Да что ты, дочка. Вам отдохнуть с дороги надо. Да и отец выпил.

– Так я ж не пила.

– Не, доча, я тебе свою голубку не доверю.

– Дак, мы на моей.

– Ну не знаю. Кирилл, ты как? У меня и опарыши в холодильнике лежат.

– Отец, Оля, да вы что ополоумели? Ночи холодные.

– А ты оставайся, мать. Варенников налепишь. А мы завтра к обеду вернёмся, утреннюю отсидим и вернёмся. #

На том и порешили. Быстро собрались. Мать снабдила всех тёплыми вязаными носками и свитерами. Кириллу подошли отцовские сапоги и старая фуфайка. Ольга не смогла удержаться от смеха, увидев его в таком одеянии. Амалия наблюдала за своей подопечной и не узнавала её. «Влюбилась! Ой, влюбилась». Доехали без приключений. Отец на заднем сидении только побрякивал, дивясь, как его дочь умело водит машину. «Выросла дочка, выросла. И когда успела».

Кирилл посматривал на Ольгу. Как она изменилась за сутки. Прямо светилась вся. И если б он не знал, то ни за что бы не поверил – ещё три дня назад она билась в панической атаке. Ненавидела всех и вся. «Есть в женщине какая-то загадка. Её загадка – её сила. Сила духа».

«Да силы духа ей теперь не занимать», – думала Амалия, сидя на заднем сидении рядом с Владиславом Николаевичем и поглядывая на парочку впереди.

Вдруг Ольга резко затормозила и, не говоря ни слова, вышла. Присела перед машиной. Амалия на удивлённый взгляд Владислава Николаевича лишь пожала плечами и тоже вышла из машины.

Ольга сидела перед одуванчиком, который рос посреди асфальта. Ветер трепал цветок, пригибал к асфальту. А он назло всему тянулся к Солнцу.

– Амалия, ты только посмотри. Как? Как нужно хотеть жить!

Ольга встала. Взгляды Ангела и её встретились. За время, проведённое вместе, они научились понимать друг друга без слов. Они раскинули руки, подставили лица под тёплые лучи Солнца, закрыли глаза.

– Я хочу жить, и я буду жить, – медленно произнесла Ольга и вдруг закричала в небо, – я буду жи-и-ить!

А Амалия улыбалась: «Вот и хорошо, вот и ладно».

– Поехали что ли?

– Поехали, – Ольга улыбнулась, – живи, дружок... И спасибо тебе. Она присела снова и понюхала пыльный одуванчик.

– Живи!

11

Ольга стояла у окна. Внизу улица переливалась новогодними иллюминациями. Больше года она боролась с раком. Надежда сменялась разочарованием. Разочарование злостью. Чем больше она злилась, тем сильнее становилась. «Боже, как мне надоело качаться на этих качелях. Как надоело жить между диспансером и домом. Домом, где теперь ждёт Кирилл».

Она вспомнила их первый поцелуй. Это было тогда, на рыбалке. Отец ушёл в палатку подремать до утренней зорьки.

Они сидели у костра и молчали. Смотрели на огонь. Ночь и на самом деле оказалась холодной. Ольгу начало знобить. Кирилл заботливо накинул на неё плед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.